Огромный мир простирался перед взором некогда ярких и глубоких, но помутневших от времени и выпавших на его долю испытаний, голубых глаз. Глаз человека, которого проклинали сильнее всего в этом мире на протяжении последней сотни лет и будут проклинать еще несколько тысячелетий.

Глаза, что сейчас практически не видели перед собой ничего, смотрели на зеленые ковры лесов и полей, на высокие горные пики, покрытые шапками снега, на темно-синие бескрайние просторы озер, морей и океанов. Пусть они не могли разглядеть детали того, на что были обращены, но это и не было важно. Главное — он видел этот мир живым и полным красок.

Бледно-голубые, почти серые — они несмотря ни на что сияли счастьем от того, что видел человек перед собой. В них отражалось все, что он чувствовал, глядя на то, что недавно было безжизненными равнинами.

Он смог. Исправил маленькую ошибку, которую допустил молодой демиург, когда творил этот мир. Ошибку, которую не заметили сразу. Ошибку, которая на протяжении сотен тысячелетий постепенно убивала мир, где ему посчастливилось родиться.

Некогда простой воин, что обладал минимальным магическим даром, неспособный практически ни на что, кроме легкого усиления собственного тела, благодаря цели и стараниям стал тем, кем сейчас и являлся. Тем, кого называли не иначе как «Великий Проклятый», «Разрушитель» и так далее.

Он совершил то, что не смог никто до этого из смертных и бессмертных. Он встал на одну ступень с демиургами — существами, стоящими выше богов. С теми, кто рождается только по воле самого Хаоса. С теми, кто рожден им для того, чтобы привнести порядок в него. С теми, кто создает миры и больше никогда не возвращается к ним, поскольку путь назад закрыт для демиургов. И даже если бы пожелали — что-то исправить они никогда не смогут.

Но человеческая душа великого, можно сказать величайшего из тех, кого видел этот мир, была слаба для той силы, которой он стал обладать. Пусть и потратил эту силу на величайшее Деяние в жизни, он успел получить сильнейшие повреждения, которые постепенно разрушали душу.

Жизнь быстро утекала из некогда практически неуязвимого тела. Еще час назад, когда ритуал не был завершен, он, несмотря на возраст почти в пять столетий, выглядел так, будто ему только исполнилось двадцать лет. Молодым, сильным, красивым... Но сейчас, на вершине одной из скал, что появились тут, сидел древний старик.

Он умирал.

И пусть его имя будут проклинать, думая, что это из-за него начался катаклизм, ненавидеть за все смерти великих и не очень героев, что решались бросить ему вызов, старались остановить его на пути окончательного разрушения мира...

Пусть, ведь главное — даже через тысячелетия будут те, кто сможет это делать.

Он был счастлив.

Он выполнил обещание, которое дал своей умирающей сестре многие годы назад. Обещание, которое стало его целью. Он жил так, как считал нужным, как воспитал его единственный близкий ему человек. Сестра, которая сама выросла на книгах о великих героях и прекрасных принцессах... Удивительно добрая и наивная, она заменила ему рано ушедших за грань

родителей.

Он сидел и смотрел на мир, что простирался перед ним, и слезы лились из его уже совершенно ослепших глаз. Длинные волосы, некогда имевшие насыщенный почти красный цвет, теперь спадали на спину седыми прядями. Тонкие пальцы одной руки крепко, насколько могли, сжимали потускневшее от долгого использования древко простого копья, в котором не было ни капли магии, вторая рука находилась на рукояти старого стального клинка, а на его поясе висела древняя книга в потрескавшейся кожаной обложке.

Он ни о чем не жалел.

Вот его лицо поднялось к небу, а потрескавшиеся губы пошептали всего одну фразу:

— Я иду, сестра...

Его тело осыпалось прахом, как и все вещи, бывшие с ним на протяжении многих лет и ставшие с ним единым целым...

Поднявшийся ветер вознес его прах к небесам.

Один из древнейших творцов смотрел за еще одним умирающим миром.

Ему было грустно.

Он хотел помочь этому миру остаться жить, но не мог. Законы вселенной были против него и ограничивали его власть в уже сотворенных мирах.

Мир почти умер. Ему оставалось несколько дней. Уже не было возможности помочь, направить разумных, что живут там, в нужную для сохранения жизни этого мира сторону. Время, когда он мог сделать это, давно минуло, уже больше двадцати тысячелетий как. И сейчас только вмешательство другого творца могло предотвратить трагедию, но Хаос ограничивал всех их, и не могли они помочь, как бы сильно этого не желали. Он слишком поздно нашел этот мир и мог только смотреть на его гибель.

У него не было надежды. Вдруг он почувствовал силу, что исходила от этого мира... Точнее от одного из разумных, находившихся в нем. От того, кто буквально только что перешагнул грань, что отделяет не только простого смертного, но даже бога, от демиурга.

Сначала он разозлился, так как этот разумный при переходе на следующую ступень должен был поглотить всю энергию и без того умирающего мира, чтобы стать по настоящему бессмертным. Он уже хотел обрушить свою кару на него, как замер в удивлении.

Этот разумный не поглощал энергию мира, а, наоборот, отдавал всё, что было у него. Демиург сначала подумал, что разумный просто не справился с контролем и теперь уничтожает сам себя, продлевая на некоторое время агонию мира, давая ему энергию. Но затем понял, что с контролем было все в порядке: тот начал изменять энергию так, чтобы она пришла в движение. Движение, которое исправит ошибку, совершенную одним из младших братьев демиурга, ошибку того, кто создал этот мир.

И вот это произошло: движение энергии завершилось. Мир начал оживать столь стремительно, что в это было бы трудно поверить, если не знать о молодом демиурге, что, не заботясь о себе,

всю собранную энергию направил в ядро мира, восстанавливая его и исцеляя раны. При этом получая повреждения, которые он уже пережить не сможет.

Древний видел все это и радовался: радовался тому, что нашелся кто-то, кто смог переступить через себя, переступить через могущество, что должен был получить в личное пользование, отказаться от него, отдавая ради других, лишая себя как жизни, так и посмертия.

Душа — невероятно крепкое образование, и найти то, что может повредить ее, практически нереально. Когда разумный умирает, она очищается от всего и идет на перерождение чистой. После многих тысяч циклов, накапливая силы, душа становится молодым демиургом, который помнит все свои жизни.

Этот же разумный лишил себя всего: слишком рано достигнув высочайшего уровня его душа, не выдержав нагрузок, стала разрушаться.

Демиург был благодарен этой душе за спасение одного из миров — того, за который он принял ответственность.

Поэтому, когда смертное тело полностью исчезло, он аккуратно взял еще не до конца разрушенную искру души, что очень ярко пылала в его руках, и начал восстанавливать ее, стараясь сохранить большую часть воспоминаний этого перерождения. Для настолько древней сущности было несложно восстановить саму целостность души, но никому не дано вернуть то, что уже потеряно.

Прежде чем отправить душу в один из подконтрольных ему миров, он оставил небольшое послание, которое разумный получит проснувшись в новом месте.

В одном из миров родился ребенок. Славный мальчик которому не повезло. Его родители, происходящие из старого и некогда влиятельного материкового клана магов, решили перебраться в старушку Англию в очень неудачное для себя время.

И так получилось, что при переходе они натолкнулись на один из последних еще не отловленных отрядов Пожирателей смерти. А, поскольку были одеты по-современному — то есть, не страдая различными предрассудками, в нормальную маггловскую одежду, — оказались приняты за магглорожденных. И на них напали.

Нападение вышло неожиданным для отца семейства, потому он с трудом успел среагировать, защитив жену и ребенка.

— Азаан, беги! Спасай сына! — крикнул Рамис Герад своей жене, уворачиваясь от очередного заклинания, отправленного в него нападавшими.

Азаан бежала. Она не могла помочь мужу в бою, будучи одной из целителей, а не воинов клана... Но могла попытаться спасти своего ребёнка.

Сзади послышался крик:

— Avada Kedavra, — и тело Рамиса упало на землю.

Ей не оставалось ничего иного, как воспользоваться родовой магией и принести себя в жертву ради спасения сына.

— Silva Viventis, — произнесла она древнее заклинание, превращая себя в великий лес, что будет домом ее мальчику многие годы.

Пожиратели ничего не сумели сделать с внезапно начавшими расти деревьями и кустами, чьи острые ветки с легкостью пронизывали их плоть. Они умерли быстро, а энергия, что лес взял из жизни своей создательницы и ее врагов, пошла на его рост и защиту того, для кого он и был создан.

Посреди леса, который не видели маглы и не замечали волшебники, в ветвях самого большого дерева росла колыбель, в которой спал маленький мальчик, рано потерявший родителей. Память его не была совершенно чиста, как у всякого новорожденного, поэтому он смог выжить в этом лесу, а потом и стать его полноценным хозяином...

Прошло семь лет.

<http://tl.rulate.ru/book/35099/763372>